

— Этот аромат называется Аромат Семи Увечий, — начал объяснять мастер Цзинкон. — Он связан с Травой Сотни Увяданий, они растут вместе в северных пустынях. Если применять их в лечении, они могут нейтрализовать друг друга. Но если одно из веществ уже исчерпано, аромат усилит действие оставшегося.

— Наставник, вы хотите сказать, что хотя Трава Сотни Увяданий и сняла действие Яда Бессмертного, Аромат Семи Увечий усилит её собственный яд? — уточнил Цзи Лань.

— Именно так, — подтвердил старец.

— Значит, седьмой принц отравится Травой Сотни Увяданий? Наставник, есть ли противоядие? — поспешно спросил Цзи Лань.

— Наложница Чэнь, отправляя те фрукты, рассчитала, что я не найду решения. Этот яд обычными методами не распознать, и больной внешне не отличается от здорового. Но ему нельзя испытывать сильных радостей или печалей, а также вступать в супружескую близость. У твоего учителя есть Пилюля Нефритового Кардамона. Если седьмой принц примет её до своего двадцатилетия, яд будет полностью выведен. Иначе, как ни крути, он умрёт. Я сделал всё, что мог. Дальше — воля небес. Не говори ему об этом, это бесполезно и лишь поселит в нём страх.

— Лань понимает.

Цзи Лань не стал больше спрашивать. Он уже собрался вернуться в покои Павильона Спящего Феникса к Сяо Ляну, как вдруг столкнулся с Сяо Чжэном, который впопыхах прибыл глубокой ночью. Спрятавшись в стороне, Цзи Лань не решился подойти.

— Выйдите все, — махнул рукой Сяо Чжэн, и большая часть слуг удалилась, остались лишь несколько с фонарями. Он подошёл к ложу, поправил на Сяо Ляне одеяло и сел рядом.

Цзи Лань видел беспокойство на лице Сяо Чжэна и понимал, что тот волнуется за брата. Зная, что сам он — племянник Наложницы Шу, и к нему могут относиться с подозрением, Цзи Лань без лишних слов покинул Обитель Спутника Циляня.

На следующий день Сяо Лян, проснувшись, почувствовал необычайную лёгкость во всём теле и очень обрадовался. Увидев Сяо Чжэна, спящего на оттоманке, он невольно покраснел от слёз. Он всегда знал, что братья его борются за власть, но из-за его слабого здоровья, не представляя угрозы, почти все относились к нему хорошо. Однако после этого выздоровления всё могло измениться, и он не ожидал, что Сяо Чжэн по-прежнему так о нём заботится.

Вчера, когда Сяо Юньсян дёрнул его за рукав, тот сунул ему записку. Ночью Сяо Лян её уже прочёл, а теперь снова взял в руки: «Не ешь фрукты». Четыре иероглифа были написаны размашисто и изящно. Он хотел было сжечь её, но едва поднёс к свече, как проснувшийся Сяо Чжэн выхватил бумажку.

— Что это ты с утра пораньше сжигаешь? — спросил Сяо Чжэн, развернул записку — и лицо его помрачнело.

Сяо Юньсян с детства был нелюдимым, но каллиграфия и живопись у него были превосходные. Его почерк стал знаменит ещё в ранние годы. Придворный мастер каллиграфии Ван Фу не раз вздыхал, называя его редчайшим талантом.

Сяо Чжэн, конечно, тоже сразу узнал этот почерк. — Значит, фрукты, которые тебе подарила

Наложница Чэнь, и впрямь были с подвохом. Но почему она так легко тебя отпустила?

— Не знаю. Может, потому что их ел и шестой брат... вот она и поспешила дать ему противоядие.

— Интересно, как он теперь? — вздохнул Сяо Чжэн. Он знал, что Сяо Юньсян, хоть и не любил много говорить, был не в меру умен и часто действовал непредсказуемо.

Сяо Лян уже хотел что-то сказать, как услышал доклад евнуха Линя у дверей и велел тому войти.

— Докладываю вашему высочеству, — сказал евнух Линь. — Только что этот раб разузнал у служанки Би Тао из Дворца Вэйян: после возвращения шестого принца Наложница Чэнь выгнала всех слуг. Неизвестно, что они делали, но закончили лишь глубокой ночью. К утру с шестым принцем всё было в порядке, прошу не беспокоиться.

— Хорошо, можешь идти. Пошли кого-нибудь за господином Цзи, я хочу лично его поблагодарить.

— Ваше высочество, за ним посылать не нужно. Вчера ночью, когда вы уснули, у него дома случилось неотложное дело, и он уехал, не простившись. Он оставил слова, что просит прощения за столь поспешный отъезд, — доложил евнух Линь.

Когда тот удалился, Сяо Чжэн взял Сяо Ляна за руку. — Седьмой, если бы не великий мастер Цзинкон, который настоял на помощи Цзи Ланя, я бы ни за что не доверился ему. Ты же знаешь, он племянник Наложницы Шу. Боюсь...

— Четвёртый брат, мне кажется, этот Цзи Лань не такой. Он же тогда прыгнул в озеро Тайе, чтобы спасти меня. Не будь так подозрителен. Все эти дни в Павильоне Спящего Феникса он помогал мастеру Цзинкону, и я видел, что он искренен. Жаль только, что оба раза я не смог как следует его отблагодарить.

— Седьмой, откуда ты знаешь, что у него на уме? Может, это была тонкая уловка, — покачал головой Сяо Чжэн.

— Брат, я не хочу думать о людях плохо.

— Ты опять наивничаешь. Мы не думаем о них плохо, ты разве забыл ту служанку, что два года назад подсыпала тебе яд в чай? Если бы не случай, тебя бы уже не было в живых! Мы до сих пор не выяснили, кто её подослал.

— Мы же договорились об этом не вспоминать? Брат, я устал, хочу ещё отдохнуть.

Сяо Чжэн поспешил помочь Сяо Ляну прилечь и уже собирался что-то добавить, как снаружи раздался крик:

— Беда, беда! Третий принц пропал на пике Лююэ, местонахождение неизвестно!

От этого крика Сяо Лян вскочил на ноги, но Сяо Чжэн уже гневно рявкнул:

— Какой негодяй там орёт? Разве не знает, что седьмой принц поправляется? Взять и дать двадцать палок!

Сяо Лян попытался что-то сказать, но мир поплыл у него перед глазами, и он потерял

сознание.

Исчезновение Сяо Цзе потрясло весь двор. Император Яньци пришёл в ярость, казнил множество слуг, но так и не смог выяснить, где его сын. Сяо Лян, переволновавшись, снова слег, и с тех пор во внутренних покоях никто не смел произносить имя Сяо Цзе.

Однажды старший принц Сяо Цянь вышел из Обители Спутника Циляня, чтобы вместе с Сяо Цзюэ навестить Сяо Ляна. Не успел он дойти до ворот Дворца Хранения Изящества, как услышал оттуда разговор.

— Матушка, кого вы выбрали в жёны старшему брату?

— Это когда стало твоим делом? Отец твой в своё время сам издаст указ и выберет одну из кандидаток.

— Я хочу повидать старшего брата. Почему ты каждый раз запрещаешь мне к нему ходить?

— Глупый ребёнок, старший брат твой скоро покинет дворец. После свадьбы тебе и вовсе не к чему будет к нему ходить — у него будет жена, и ему будет не до прежних забав.

— Матушка, я никак не пойму, почему ты так не любишь, когда мы с ним вместе.

— Цзюэ, ты ведь должен понимать почему. Мне было велено воспитать его, и ты видел, как я старалась. Теперь, когда он женится, моя задача будет выполнена.

Старший принц Сяо Цянь был первенцем, но мать его была простой служанкой, прибранной Сяо И, когда тот был ещё наследником. Позже она прогневила вдовствующую императрицу-бабушку и была казнена. Сяо Цяня сначала воспитывала Наложница Хуэй Лю, но после её смерти он перешёл под опеку Наложницы Шу Цзи. Из-за низкого происхождения матери он не мог претендовать на трон. Однако все эти годы Сяо И особенно благоволил к Сяо Цяню, и хотя тот был незаконнорождённым старшим сыном, а Сяо Чэн — законным, никто не смел смотреть на Сяо Цяня свысока.

Но даже так Сяо И относился к ним с Сяо Чэном совершенно одинаково, без различия. Из семи принцев лишь их двоих император лично учил читать и писать, никогда не доверяя это наставникам. Из-за этого Сяо Цянь стал бельмом на глазу у многих наложниц.

Благосклонность к Сяо Чэну была понятна и законна, а у Сяо Цяня не было поддержки, и его было легко обидеть. Все эти годы Наложница Шу, будучи его приёмной матерью, внешне проявляла ласку, но на деле не уделяла ему внимания, ведь даже к Сяо Цзюэ Сяо И не относился так, как к нему.

Сяо Цянь не стал слушать дальше и тихо удалился. Он брёл один, не разбирая дороги, и не заметил, как очутился у Чертога Двойного Великолепия. Это было место, где Сяо И работал с докладами. Он тут же замер, но увидел Наложницу Чэнь Лю, ожидавшую у входа — видимо, вновь принесла императору ночную трапезу.

За последние годы во внутренних покоях выше Наложницы Чэнь не было никого, даже статус Драгоценной наложницы Лань и Наложницы Шу был ниже её. Наложница Чэнь была внучкой вдовствующей императрицы-бабушки. Изначально, по воле бабушки, её сестра, Наложница Сянь Лю, должна была стать императрицей Сяо И. Однако Сяо И воспылил страстью к госпоже Гу и настоял на том, чтобы сделать её императрицей, даровав титул Цзяюань. Увы, императрица Цзяюань была недолговечна — менее чем через год после коронации она скончалась при тяжёлых родах, оставив второго принца Сяо Чэна.

Трон опустел. Вдовствующая императрица-бабушка несколько раз пыталась возвести Наложницу Сянь в ранг императрицы, но Сяо И при всех дал клятву: отныне и вовеки у императора Яньци будет лишь одна императрица — Цзяюань, и другой не будет. Эти слова так разгневали престарелую императрицу, что та, вырвав из волос шпильку, принялась её бранить, а затем слегла и умерла. С тех пор в народе и пошла молва о непочтительности Сяо И к старшим.

<http://bllate.org/book/15946/1425479>